

**ЛЕЙЛА БЕГИМ
ЕФИМ АБРАМОВ**

I M M O L A T I O

«Жертвоприношение»

Пьеса-размышление в 2-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

XXI век:

Студенты:

ЮСИФ – студент последнего курса факультета теологии Карлов университета в Праге. Родом из Баку. Он же ученик Насими.

Студенты последнего курса факультета филологии Карлов университета в Праге:

АДЕЛЬ – она же и ученица Яна Гуса, дочь западного купца.

ЯНУС – помощник западного купца, он же шут и писарь во дворце Архиепископа Пражского.

ЯКУБ – друг Юсифа, страдает аутизмом, заикается.

АЯ – мусульманка, родом из восточной страны.

ОТЕЦ АДЕЛЬ

СЛЕПОЙ АНГЕЛ

ХРОМОЙ АНГЕЛ

Группа кришнаитов

XV век:

НАСИМИ Имадеддин

ГУС Ян

ЛЕЙЛИ – возлюбленная Насими.

ЛАУРА – возлюбленная Гуса.

ПРАВИТЕЛЬ – Шах.

АРХИЕПИСКОП ПРАЖСКИЙ

ДЕРВИШ – он же Слепой Ангел.

Стражники

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ
СЦЕНА ПЕРВАЯ

Медленно высвечивается глубина сцены, где пасмурное небо моросит мелким, осенним дождем. Порывы ветра гонят, катают по полю кусты перекасти-поля. В глубине сцены, едва различимые за пеленой дождя, несколько человек возводят деревянное строение. Они несут доски и брёвна, складывают их, медленно бредут обратно и также медленно возвращаются. Строительство будет идти все время, до последней сцены. Свет прожекторов высвечивает переднюю часть сцены, где видна Хижина Ангелов. Задняя часть, где идет строительство, погружается в полутьму, но силуэты людей видны. Своим внутренним строением Хижина Ангелов напоминает лабиринт. Хромой Ангел то появляется, то исчезает, и нельзя понять, откуда он появился и куда исчез. Одним он может показаться горбатым и убогим, другим – кривым и хромым. Да и внешность у него необычная: повернулся одной стороной – ему лет 30, другой – кажется, что все 60. В руках у него длинные четки из камней – они светятся в полутьме хижины. Из стоящего на огне глубокого чана поднимается к потолку дым и стелется по всей хижине. На покосившемся столе всевозможные травы, кости для гадания, какие-то предметы. У стола Слепой Ангел. Он осторожно прикасается к ним руками – травы нюхает, кости и разные камни ощупывает. Откуда-то издалека едва слышны музыка и голоса людей.

ХРОМОЙ АНГЕЛ (*его голос звучит тихо и зловеще*).

Дни мельтешат, шуршат, хрустят и рвутся,
крошась, ссыпая наземь снег и дождь,
стихают, скрыв за горизонтом солнца блюдце,
по небу расплескав палящий морс.
Года летят, трепещут, гнутся, стонут,
роняя то улыбку, то слезу,
меняя всё, лишь многоликий боров
незыблем, и века его несут...

СЛЕПОЙ АНГЕЛ (*медленно повторяет*).

Года летят, трепещут, гнутся, стонут,
роняя то улыбку, то слезу...

ХРОМОЙ АНГЕЛ.

Слепой порой увидит то,
чего не видит зрячий...

СЛЕПОЙ АНГЕЛ.

Хромой и горы перейдёт,
весь путь переиначив...

Там строят, здесь танцуют и поют...

ХРОМОЙ АНГЕЛ.

Там, где толпа, там наготове кнут...
Чтоб боль унять – поют, танцуют
и поминают Бога все...

СЛЕПОЙ АНГЕЛ.

И в этой вечной схватке тьмы и света, когда и время – пленник и судья,
родится то, что в корне сокровенно, созревшее во чреве бытия...

ХРОМОЙ АНГЕЛ. Поэтому лик истины в крови...
СЛЕПОЙ АНГЕЛ. И это данность?
ХРОМОЙ АНГЕЛ. Да. Увы.
СЛЕПОЙ АНГЕЛ. Но есть ли выбор?
ХРОМОЙ АНГЕЛ. Есть. Всегда.
СЛЕПОЙ АНГЕЛ. Тогда пора мне.
ХРОМОЙ АНГЕЛ (*поворачивает песочные часы*). Время. Да.

Слепой Ангел собирается уходить.

ХРОМОЙ АНГЕЛ. Постой!

Хромой Ангел бросает в чан несколько костей, несколько веточек травы и из пиалы наливает какую-то жидкость. С громким хлопком из чана вырывается высокое пламя, и густой пар заполняет хижину. Слепой Ангел уходит.

СЦЕНА ВТОРАЯ

XXI век.

Небо по-прежнему пасмурное, осеннее, тяжелое...

В глубине сцены строительство продолжается. На переднем плане возникает скверик перед Пражским университетом. На скамейке сидят Юсиф, Ая, Янус, Якуб. Юсиф читает книгу. Ая что-то пишет в телефоне. Янус сидит с закрытыми глазами – дремлет. Якуб сидит рядом с Аей, читает. Звонит мобильный телефон.

АЯ (*по телефону*). Да, здравствуй, папа. Все о'кей. (*Смеется*).

Терпи! Осталась пара дней. На выходные я приеду.

А через месяц уже лето! Пока. Держитесь. Иншаллах!

ЯНУС (*открыв глаза*). О, пане Боже! Вновь Аллах!

АЯ. Что ты сказал мне?

ЯНУС. То, что вы заполонили всё здесь!

АЯ. Мы?!

ЯНУС. Да, вы!

АЯ. Кто?

ЯНУС. Кто же?! Мусульмане! Каждый четвертый здесь – в тюрбане.

ЯКУБ. Умолкни! Как не стыдно!

ЯНУС. Мне?!

Юсиф перестает читать. Прислушивается к их разговору.

АЯ. Да у него стыда ведь нет! Он нам завидует!

ЯНУС. Я?! Вам?! Ты отдаешь отчет словам?

Да тошно мне смотреть на вас! В жару покрытые до пят!

ЮСИФ. Да что с тобой сегодня, брат?

ЯНУС. Достали!

АЯ. Чем?!

ЯНУС. Да всем! Одеждой, едой, законами...

ЮСИФ. Да где ж законы их читаешь ты?
ЯНУС. В ее глазах! В надменном взгляде, в походке даже!
АЯ. Знаешь, хватит! (*резко поднимается и уходит*).
ЯКУБ. Мерзавец ты!

Уходит за Аей.

ЯНУС (*сквозь зубы*). Иди ты!...
ЮСИФ. Янус! Мы все здесь гости...
ЯНУС. Но не я!
ЮСИФ. И ты. Нас кормит временно Земля...
ЯНУС. Не философствуй! Люди в страхе живут в Европе. Все теракты устраивает кто?! Они!.. (*Указывая вслед Ае*).
ЮСИФ. Неправда. Всех ты не вини. Да и вообще... Ты знаешь, сколько погибло от терактов?
ЯНУС. Много! Неважно, сколько, хоть один!
ЮСИФ. Согласен, да! Но посуди. При чем тут вера? Раса? Те же повсюду нравы!
ЯНУС. Всюду? Бреешь! Они рабы своих запретов!
ЮСИФ. А мы желаний своих!

Появляется Адель.

АДЕЛЬ. Привет!

Янус и Юсиф молчат.

АДЕЛЬ (*повторяет*). Привет! О чем так спорите вы горячо?
ЮСИФ (*задумчиво*) Да так...
АДЕЛЬ. Что так?

Янус молчит. Юсиф закуривает.

АДЕЛЬ (*задумчиво декламирует стихи*).
Что-то в мире совсем не так.
То ли ось смещена,
то ль небо перевернуто.
ЮСИФ (*потушив сигарету*). И не страх, а отчаянье – в горстке пепла...
ЯНУС. Страх и отчаянье! Весь Запад от беженцев в чалме страдает!
АДЕЛЬ. Мой Запад страдает им! О чем мы с вами говорим?..

Янус и Юсиф не отвечают.

АДЕЛЬ (*Юсифу*). Что ты читаешь? Что за книга? (*Юсиф показывает ей обложку книги.*) «В меня вместятся оба мира». Так это же Востока лира!
ЯНУС (*недовольно бормочет*). Опять Восток! Теперь и с лирой...
ЮСИФ. Да, Насими. И здесь же автор о Гусе повествует.
АДЕЛЬ. Правда? А Гус при чем?..
ЮСИФ. Они ровесники!

ЯНУС (*иронично*). Вот черт!

ЮСИФ.

И оба были протестанты!

И совпадают взгляды, даты!

Родились в один год! И казнь похожа...

ЯНУС. Энергию свою не трать... Не разгоняйся. Чушь все это. Идем, Адель.

АДЕЛЬ. Нет, ты иди. Я почитаю здесь...

ЯНУС. Хмм... Лады!..

Уходит.

ЮСИФ. Тебе он нравится?

АДЕЛЬ. Ну что ты! Нас связывают юность, годы... Он очень сложный. Но талантлив.

ЮСИФ. И Муза его – ты...

АДЕЛЬ. Да ладно! Мне как-то это все равно...

ЮСИФ. Адель! Хочу сказать давно...

АДЕЛЬ. Скажи...

ЮСИФ. Ты бы в Баку жила?

АДЕЛЬ (*смеясь*). Я там ни разу не была!

ЮСИФ. Так все случается впервые. Как ты случилась в моей жизни...

АДЕЛЬ. Какой шутник!

ЮСИФ. Мне не до шуток. Я ведь уехать должен буду... Боюсь я потерять тебя...

АДЕЛЬ (*с грустью*). Молчи, Юсиф... Боюсь и я... (*Пауза.*) Дай твою книгу... Можно?

ЮСИФ (*протягивает ей книгу*). На! О, Боже! Как же прекрасна ты сейчас!

АДЕЛЬ (*смущенно улыбаясь*). Посмотрим, что нам напроорочит... (*Читает.*)

Ночного неба балдахины

Вздымает влажный ветерок,

Колдуя, как седой алхимик.

Под мантией его Восток

Вдруг ожил: месяц цвета бронзы...

ЮСИФ (*любясь Адель, подхватывает*).

Пустыни женские черты,

Над ними родинками – звезды

И страсть, разбившая шатры...

Нередкой гостьей, но незваной

Тоска вновь селится в меня...

ЮСИФ и АДЕЛЬ (*в один голос*).

И взгляд – уставшим караваном

Блуждает в поисках огня...

На сцену неожиданно врывается ветер. Адель с трудом удерживает в руках книгу. Юсиф обнимает её, закрывая своим телом. Гаснет и вспыхивает свет, и сквер сменяется видом на караван-сарай поздним вечером далекого средневековья.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

На экране несколько человек по-прежнему возводят деревянное строение. На передней части сцены – караван-сарай, освещенный светом небольших костров, разведенных в чугунных котлах. Порывы ветра играют языками пламени. Юсиф сидит у костра и подбрасывает в чан хвороста. Появляется Якуб, садится рядом, греет руки. Из комнаты выходит помощник отца Адель – это Янус. Он проходит мимо Юсифа и Якуба, смотрит вдаль, пытается разглядеть строительство.

ЮСИФ.

Блуждает в поисках огня
колючий одинокий ветер,
несправедливый мир браня...

ЯКУБ (*задумчиво*). Мир, за который мы в ответе...

Якуб затягивает мугам. Из шатра появляется мужчина лет сорока – это отец Адель.

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Салам алейкум!

Юсиф и Якуб не слышат.

ОТЕЦ АДЕЛЬ (*повторяет*). Салам алейкум!

Якуб умолкает. Юсиф и он с почтением поднимаются.

ЮСИФ. Алейкум-ас-салам!

ЯКУБ. Алейкум-ас-алам!

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Да не вставайте вы, сидите. Куда путь держите?

ЮСИФ. В Тель ас-Сетт. А вы здесь в качестве гостей?

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Торгую тканями я в Праге, Констанце, Риме. Здесь скупаю шелка.

ЮСИФ. Вы ездите один?

ОТЕЦ АДЕЛЬ. С дочкой и помощником моим. (*Обернувшись*.) Доченька! Где ты?

ЯНУС. Бездельничает! (*Указывая в сторону комнаты*.) Там сидит!

ОТЕЦ АДЕЛЬ (*продолжает*). Во вторник здесь был ад. С поэта сдирали кожу.

Дочка это случайно увидала и с тех пор ни ест, ни пьет....

ЯНУС. Молчит... (*Отцу Адель с наигранным беспокойством*.) Она же исхудает так!

ЯКУБ. Храни дитя от бед, Аллах!

ОТЕЦ АДЕЛЬ. В слезах вся. Мается два дня...

ЮСИФ (*печально*). С горем смириться сложно...

ЯНУС (*тихо отцу Адель*). Ты прибавляешь ей страданий, с ней путешествуя по странам!

ОТЕЦ АДЕЛЬ (*задумчиво*). А может, стоит мне ее оставить со старшей сестрой?.. (*Янусу*.) Заглянешь в комнату, мой друг? Забеспокоился я вдруг...

Янус уходит в одну из комнат караван-сарая.

ОТЕЦ АДЕЛЬ (*продолжает*). Позапрошлым летом и у нас еретика казнили. Казнь ее так потрясла, что месяц писала в дневнике о смерти...

ГОЛОС АДЕЛЬ (*из комнаты*). Я обо всем скажу отцу! Он доверяет подлецу!

Адель выбегает из комнаты в смятении. Вслед за ней незаметно выходит Янус.

ОТЕЦ АДЕЛЬ (*смотрит на Адель, потом на Януса*). Что стряслось?

ЯНУС. Да ничего. Девичья злость...

Адель вдруг замечает Юсифа.

АДЕЛЬ (*с удивлением и радостью*). Вы?..

ЮСИФ (*улыбается*). Я... Юсиф.

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Так вы знакомы? Вы – Юсиф?

ЮСИФ. Да, я Юсиф. Знакомы, да.

ЯНУС (*шепчет отцу Адель*). Девчонка выросла, и вам ее оставить бы в Констанце, подальше от восточной страсти...

АДЕЛЬ (*не слыша Януса*).

Вчера столкнулись мы случайно.

На рынке пел он так печально.

(*Юсифу.*) Сыграть нам на свирели сможешь?

Юсиф достает свирель и начинает играть. По мере того, как звучит музыка, ветер стихает и мелодия заполняет все пространство.

На сцене неожиданно появляется Слепой Ангел. Он странно одет, да и внешне как будто изменился – стал и стройнее, и выше.

СЛЕПОЙ АНГЕЛ (*читает стихи*).

Всю суть благого тайника от волоска до волоска

По знакам мушек и пушка я на челе твоем постиг.

Ее рубинов-уст вино, что ото всех утаено,

Мне было господом дано как животворнейший родник!

Из ликов, созданных судьбой, тобою посрамлен любой:

Лишь тот, что воплощен тобой, красой невиданной велик.

С тех пор, как вечны времена, и высям неба жизнь дана,

Тебе подобная луна не восходила ни на миг!

Твой лик невежда-зубоскал с людским обличем равнял,

Но где единый бог бывал, подобно людям, многолик?

«Пей, – очи кравчего велят, – налитый в кубок хмель услад:

В чертоге единенья взят сей кубок – чаша горемык!»

От века та краса была для нас величием светла,

И вечный свет ее чела навеки в нашу суть проник.

Слепой Ангел также неожиданно уходит.

С новой силой поднимается ветер, играя языками пламени в чанах.

АДЕЛЬ (*изумленно*). О, Господи!.. Где он?!.
ОТЕЦ АДЕЛЬ. Дервиш!..
ЮСИФ (*потрясённый, шепчет*). Учитель мой!..

*Юсиф бросается вслед, никого не обнаружив, возвращается к костру.
Адель садится рядом и вдруг замечает листок бумаги.*

АДЕЛЬ. Смотри! Что это?
ЮСИФ. Где? (*Берет записку, читает*). Газель...
АДЕЛЬ (*читая*). Та, что он нам сейчас...
ЮСИФ. Да...
ЯНУС. Покажи мне, что там?

Берет записку и неожиданно бросает в костер.

ЮСИФ. Что ты наделал?
АДЕЛЬ. Янус! Как ты...
ЯНУС. Ерьсь сжег!
АДЕЛЬ. Как ты посмел?
ЯНУС. Я этим спас от наказания всех вас!
АДЕЛЬ. Юсиф, бежим! Найдем его. Он далеко уйти не мог!
ЮСИФ. Бежим!
ОТЕЦ АДЕЛЬ. Куда? Адель! Какая, к дьяволу, газель?!
ЯНУС. Не отпускай ее с мальчишкой!..
ЯКУБ. Вот негодяй!
ЯНУС. Эй, ты! Потихе!..
ОТЕЦ АДЕЛЬ. Адель! Вернись!

Янус незаметно уходит.

АДЕЛЬ (*убегая*). Отец, я скоро!..

*Через некоторое время Адель и Юсиф возвращаются.
Присев у костра, они вновь слышат звуки свирели.*

ЮСИФ (*читает стихи Насими*).
Ни на земле, ни в райской вышине
Тебе подобных нет, на горе мне.
Своей красой ты мертвых воскрешаешь,
Твоя краса – как весть о Судном дне.

АДЕЛЬ.
Здесь, на земле, как в райской вышине,
Ласкают слух восточные газели,
И льется эхом песня менестреля,
Господним гласом в хрупкой тишине...

*Внезапные и сильные порывы ветра врываются на сцену.
Юсиф и Адель кружатся в танце. Ветер гасит огонь в чанах...*

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

*Скверик перед Пражским университетом.
На скамейке Адель и Юсиф. Адель держит в руках книгу.*

АДЕЛЬ (*читает*).

Здесь, на земле, как в райской вышине,
Ласкают слух восточные газели,
И льется эхом песня менестреля,
Господним гласом в хрупкой тишине...

Как красиво!..

ЮСИФ. Да...

АДЕЛЬ. Юсиф! Пойдем сегодня на «Юдифь»?

ЮСИФ. Посмотрим, радость. Мне нужно дописать работу...

АДЕЛЬ. Как продвигается?

ЮСИФ. Да так. Я в поиске пока.

АДЕЛЬ. В стихах?

ЮСИФ. В стихах! Уверен, что поэт оставил в них такой же след, что и Ян Гус в своих трактатах.

АДЕЛЬ. Уничижая мир богатых?

ЮСИФ. Не знаю. Я ищу. Быть может. И в этой книге автор тоже предполагает это.

АДЕЛЬ. Да. Я пролистала книгу. Там сжигает кто-то все, и знаешь, мне кажется, что автор прав. Послание во всех стихах, во всех речах, поступках жизни, что на алтарь Любви сложили они...

ЮСИФ. Адель! Я верю в то, что есть и нечто большее. Поверь...

АДЕЛЬ. Хочу помочь тебе я... Можно?

ЮСИФ. Как ты красива сейчас!..

АДЕЛЬ (*обратив внимание на раскрывшуюся в скверике розу*). Боже! Посмотри! Взгляни на розу! Лепестки раскрыты, как душа поэта, что дарит миру не стихи, а аромат и вкус. За это ее лелеют только те, кто создал сад и любит землю...

ЮСИФ. Я так признателен судьбе. За лучшее стихотворенье! И розу, что, как жизнь, лелею...

АДЕЛЬ. Юсиф!

ЮСИФ. Адель! Ты мой цветок!

АДЕЛЬ. А ты мой вдохновитель строк! Люблю тебя!

ЮСИФ. И я!

Появляется Янус.

ЯНУС. Ах, вот ты где! И с кем! Опять...

АДЕЛЬ. Да, с ним.

Начинает читать книгу.

ЮСИФ. А что не так?

ЯНУС. Все так, Юсиф. Мы собирались на «Юдифь», а театр – здесь! Адель, не так ли?!

Подходят Ая с Якубом.

АЯ. Привет! Во сколько наш спектакль?

АДЕЛЬ (*оторвавшись от чтения*). Привет. Пока есть время. В семь.

ЯНУС (*язвительно*). Хотя бы в театр сняла свой шлем...

ЯКУБ. Опять хамишь?

АЯ. Якуб, не слушай! Да ну его! Он хамству служит.

ЯНУС. Служить – твоя прерогатива.

ЮСИФ (*с угрожающим видом идет к Янусу*). Послушай, ты!..

АДЕЛЬ (*встаёт между ними*). Ну, все, ребята! Хватит, тихо! Нас остальные ждут у входа.

АЯ. Ну так идемте! Мы готовы!

АДЕЛЬ (*Янусу тихо*). Ты знал, что вместе мы идём! Не приходил бы!

ЮСИФ (*с улыбкой произносит поговорку на азербайджанском языке*).

ЯНУС (*наигранно смеясь*). Он о чем?!

ЮСИФ. Сейчас узнаешь, я о чем!..

Адель опять встает между ними.

ЯНУС (*с усмешкой*). Артист!..

АДЕЛЬ (*твердо*). Все! Мы спешим уже! Идем!.. Все мы артисты! Хотя немного...

Все вместе уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

XV век

Сцена разделена на две части. Одна ее часть отдана под уголок в стенах Пражского университета. Здесь при слабом дневном свете, падающем из высокого окна, Ян Гус беседует с Адель. Янус слушает, периодически что-то записывая.

Противоположная часть сцены – Восток. Шатёр Правителя.

Пока действие будет происходить в западной части сцены, восточная не будет освещена. Как только закончится действие на Западе, в той части сцены свет погаснет и будет освещена восточная часть.

ГУС. Все мы артисты! Хотя немного... А сцена – на ладони Бога.

АДЕЛЬ. А если Он сожмет кулак?

ГУС.

Он милосерден. Сколько благ

Он посылает человеку, живущему не по завету...

АДЕЛЬ. Повсюду нынче беспредел!

ГУС. Да, Адель, все продается! Власть имущих народ мой мучает!

АДЕЛЬ. Все пуще... Уже и проповеди платны. За исповедь мы вносим плату.

ГУС. Неграмотность всему виной! Отступники в священной рясе перевирают суть Писанья!

В комнате появляется Пражский Архиепископ.

Не спеша, он подходит к креслу и садится. Адель, откланявшись, покидает комнату.

АРХИЕПИСКОП. Ваши слова пусты, пан Гус!
ГУС.

В пустом кармане ценный груз – кулак!
Мои слова сильны, и вы страшитесь их!

АРХИЕПИСКОП. Смешны и вы, и ваша речь, поверьте!
Вы против церкви! И в ответе не предо мной, а перед Богом!
ГУС. Его Священной Книге только и предан я!.. По ней живу!
Ее народу своему, на языке родном, доступном читаю я.
Чем я преступен?!

АРХИЕПИСКОП. Да полно вам! Идет о вас уже молва как об отступнике!..

ГУС. В чем ересь? Мне самому себе не верить?!
За таинства взимают плату у МОЕГО народа!..

АРХИЕПИСКОП. Папу вы не ввергайте в гнев!

ГУС. Я гнева боюсь лишь Божьего!
Я вместе со своим народом и голодал,
и хлеб делил с голодными!
И год за годом в лишениях познавал я мир!
Несправедливый не по сути! По форме! Власть продажна! Власть!
И хлеб в Писании насущный не мой, не ваш, а наш он – наш!

Раздается звон колоколов.

АРХИЕПИСКОП. Призыв к молитве льётся Свыше!..

ГУС. Колокола всегда я слышу. Так зов народа моего
в моей душе звучит давно!.. Ну, а сейчас спешу, простите.

АРХИЕПИСКОП (*усмехается*).

На проповедь? Ну что ж. Идите.
Но прежде дам совет. В Констанце
вам следовало бы отказаться
от ереси своей, пан Гус.

ГУС. Собор Вселенский созовут, чтобы спасти вас.
Мне отречься? О том не может быть и речи!
Как в небо я тогда воззрю?!
Сам Император Сигизмунд мне покровительствует!
(*Показывает охранную грамоту.*)

АРХИЕПИСКОП. Ладно. Ступайте!

Гус уходит. Янус подходит к Архиепископу.

ЯНУС (*вкрадчивым голосом*). Предупредить нам надо Папу!

АРХИЕПИСКОП. Ступай!

Янус, поклонившись, собирается уходить.

АРХИЕПИСКОП. Постой! (*Указывая вслед ушедшему Гусу*).
Такие люди Историю порой и пишут!

ЯНУС. О нет, Ваше Преосвященство! Нет!
Таких людей ждет только плаха!
Их имена исчезнут – прахом!
Весь путь их, как и мир подлунный, тлен!

(Рвёт на клочки бумагу, на которой писал.)

*В этой части сцены свет гаснет, и освещается противоположная сторона.
Восток. Шатёр Правителя. К шатру подходит человек в одеянии Дервиша – это Насими. Янус, он же Шут, стоит перед куклой в наряде Правителя, что-то бормочет, пританцовывает и, поглядывая на Насими, напевает:*

ЯНУС. Весь путь его, как мир подлунный, тлен!
ПРАВИТЕЛЬ. О ком ты это?
ЯНУС *(кукле, усмехаясь)*. Все о нём. Явился гордый на поклон...

Пальцем указывая в сторону Насими.

ПРАВИТЕЛЬ. Такие люди Историю порой и пишут...
ЯНУС *(кукле)*. О нет, Правитель! Вели казнить его, иначе он смуту будет сеять...
ПРАВИТЕЛЬ: Мальчик! Не смей указывать мне! Шут!
Я головы тебя лишу! Зови его, скорей!

Янус на мгновение застывает в поклоне перед куклой, затем уходит и возвращается, пропустив вперед Насими. Поэт останавливается в нескольких шагах от Правителя, чуть наклоняет голову и с почтением смотрит на него.

ПРАВИТЕЛЬ. Как называть тебя?
НАСИМИ. Имадеддин.
ПРАВИТЕЛЬ. Сейид Али?
НАСИМИ. Пожалуй. Да.
ЯНУС *(иронично кукле)*. Он жив еще?..
НАСИМИ *(с усмешкой шуту)*. Весь пред тобою во плоти.
ПРАВИТЕЛЬ. Ты смел! Я храбрецов ценю, поэт.
НАСИМИ. В конечном счете страх дороже.
ПОВЕЛИТЕЛЬ. Сложи пока язык свой в ножны. И верно говорят – ты дерзкий!
НАСИМИ. Ведь ты не звал меня за лестью.
ПРАВИТЕЛЬ. А ты догадливый, поэт! Надеюсь, ум спасет от бед.
И ты ответишь так же мудро. К чему в стихах ты сеешь смуту?
К свободе призываешь всех, беря на душу смертный грех!
ЯНУС *(кукле)*. Да он ведь дружен с Сатаной!
ПРАВИТЕЛЬ *(Янусу)*. Уйди ты с глаз моих долой!
ЯНУС *(кукле)*. Язык ему отрезать надо! Чтоб не было другим повадно!
ПРАВИТЕЛЬ. Замолкни, шут! *(Обращается к Насими.)* Ответь, прошу!
НАСИМИ.
Я попытаюсь объяснить.
Свобода – это Божья нить.
Коль потеряем мы ее, то перестанем быть собой!

ПРАВИТЕЛЬ. Так важно быть собой толпе?!
НАСИМИ. Она ведь предана тебе! А потеряв себя, однажды предаст все то, что слыло важным...

ПРАВИТЕЛЬ. Свобода – домысел и прах. Народ её боится!..
НАСИМИ. Страх рождает только лишь незнание.
Он будет изгнан пониманием,
что человек хозяин сам души свободной!

ПРАВИТЕЛЬ. Он – вассал! Он – раб и мыслей, и желаний. Он слеп...
НАСИМИ. Прозреет! Знаний пламя излечит, проливая свет...
И возродится человек! Он сам себе и Бог, и раб!

ЯНУС (*кукле*). Слышал?! Казнить его! Карать!
НАСИМИ (*улыбаясь*). Он и в женском лике видит Бога! Он возомнил себя пророком!
Сравню с луною ее лик – и тут же гибну от стыда,
Сравню ее с людьми – и вмиг пред Богом стыдно мне тогда.

ПРАВИТЕЛЬ.
В глазах ее бушуют волны,
В них тонут мира корабли,
В камнях золотой короны
Не диаманты, а угли,
В словах скрывается притворство,
Коварством полнится сума,
Пересчитать сумеет звезды
В ночи темнее, чем сурьма.
Шипам не удивляйся розы,
Обвинившей стан ее, и знай:
Она приносит миру слезы!
В обличье женском – Сатана!

НАСИМИ.
В предвечном мире бытия провидел я любимой лик,
И знаменьем краса ее открылась мне на свитках книг...

ПРАВИТЕЛЬ (*прерывает Насими*).
Ты мне, поэт, не друг, не враг.
За честность дам тебе совет.
Ты в Халеб не ходи. От бед
Держись подальше, человек!

НАСИМИ. Спасибо за совет. Но строки
Ведут меня, как пеших ноги...
Я доверяю им, как сердцу...

ПРАВИТЕЛЬ. А если ложен путь?
И к смерти они тебя ведут, поэт?

НАСИМИ. Смерть – не страшнейшая из бед.
Есть вещи пострашнее смерти!
Боюсь измены хищной плети!
Предать себя – вот это казнь!

ПРАВИТЕЛЬ: Не стану больше понукать.
Ступай, но помни мой совет...

ЯНУС (*кукле*). Ты отпускаешь его?! Нет!..
ПРАВИТЕЛЬ: Ты возразить решил мне, шут?!
Я головы тебя лишу!
НАСИМИ: Да на шута ты не сердись!..
Позволь и мне совет свой дать.
Чтоб этот мир понять, им восхититься надо,
Чтоб свет любви познать, страдать в темнице надо,
И если ты султан, а хочешь видеть Бога,
С престолом и венцом тебе проститься надо.

Насими уходит.

Янус начинает срывать с куклы одеяние Правителя. В это время сильный порыв ветра врывается в шатёр, и свет гаснет...

СЦЕНА ШЕСТАЯ

XXI век

Квартира Адель. За столом Адель и Юсиф что-то печатают на компьютере. Янус сидит в другом конце стола и в такт льющему за окном дождю постукивает каким-то предметом по столу. Адель вздыхает и с недовольным видом смотрит на Януса. Янус прекращает стучать и жестом показывает, что он больше стучать не будет. Через пару секунд Янус начинает громко смеяться. Юсиф и Адель удивленно переглядываются.

АДЕЛЬ (*на чешском*). Цо? (Что?)
ЯНУС. Ха-ха-ха... Ниц... (Ничего.)

Юсиф и Адель продолжают работать. Через пару секунд Янус опять начинает монотонно стучать по столу. Юсиф резко встаёт и стремительно направляется к Янусу, садится рядом, хватая его за руку, пытаясь отнять предмет, которым тот стучит. Между ними завязывается борьба. Сцепившись ладонями, каждый пытается повалить руку другого.

ЯНУС (*в борьбе, сквозь зубы*). Тебе проститься надо с идеей о посланье.
ЮСИФ. А может, ты советы оставишь при себе?

Юсиф побеждает и отнимает предмет, которым Янус стучал.

ЯНУС (*с иронией*). Мне за тебя досадно. За время твоё...
ЮСИФ. Знаешь, ты о своем подумай – бесценном бытие!
АДЕЛЬ. Не спорьте!

В комнату входит отец Адель.

ОТЕЦ АДЕЛЬ. О чем спор ваш?
ЮСИФ. Извините...
АДЕЛЬ. Да о Юсифа теме дипломной...

ЯНУС (*усмехается*). Об идее объединить Яна Гуса с поэтом Насими.

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Отсюда поподробней...

АДЕЛЬ. Пока в стихах он ищет послание о том...

ЯНУС. Да ерунда все это!

ЮСИФ. А может, ты отчалишь?!

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Как ни звучит печально – похоже на абсурд.

АДЕЛЬ. Но, папа! Ты не знаешь!..

ОТЕЦ АДЕЛЬ. А ты, Адель, все знаешь?

Так расшифруй, пожалуйста, о чем толкует друг.

АДЕЛЬ. Ты не настроен, папа. Давай попозже, ладно?

ЮСИФ. Мне уходить уже пора.

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Конечно, не вопрос. Пока.

Кивнув, Юсиф уходит. Адель бежит за ним.

АДЕЛЬ. Юсиф!

Юсиф останавливается. Адель обнимает его.

АДЕЛЬ (*тихо*). Ну, хватит. Прости...Ты любишь меня? Любишь?..

Юсиф молчит.

АДЕЛЬ. Ну? Скажи... Скажи, ты любишь меня?

ЮСИФ. Очень... Твои глаза – чернее ночи,

И губ полуоткрытых контур, заносчивость твою и гонор...

АДЕЛЬ. Ах вот ты как! (*Она шутливо треплет его волосы, затем убирает руки.*)

Когда пойдем в часовню?

ЮСИФ. Я не знаю.

АДЕЛЬ. А может, завтра?

Юсиф пожимает плечами.

АДЕЛЬ. После занятий?

Юсиф молчит. К ним подходит Янус.

ЯНУС. В какую из часовен?

ЮСИФ. Тебя не звали, кстати...

ЯНУС. Ты помолчи, писатель!

ЮСИФ. Замолкнешь ты сейчас!

АДЕЛЬ. Прошу тебя! Не надо!

Подходит отец.

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Вы здесь?

ЮСИФ (*резко*). Ну что ж, пойду писать! Спасибо, до свиданья!

ЯНУС: Чао!

АДЕЛЬ: Юсиф!...

Бежит за ним, возвращается и слышит разговор отца с Янусом.

ЯНУС: Ворона садится рядом с вороной.

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Пословица наша точна, бесспорно... И если б Адель поняла это...

АДЕЛЬ. Что? О чем вы? Вороны тут, Янус, при чем?

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Союз ваш с Юсифом не может быть прочен.

АДЕЛЬ. А может, не будете вы мне пророчить?

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Мы разные, дочка! Культура, язык, традиции...

АДЕЛЬ. Хватит! Не вешай ярлык! Вот так нетерпимость к другому народу приводит к раздорам.

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Адель!

АДЕЛЬ. Все! Довольно! Ты мне все испортил! Он вряд ли вернется...

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Одним словом обидели парня? Прости, но это выглядит странно.

АДЕЛЬ. Ну, все, тороплюсь я!

Янус встает, чтоб пойти с ней.

АДЕЛЬ. Не надо за мной идти, Янус. (Отцу.) Пока!..

ЯНУС (С усмешкой.) Совет хоть прими напоследок тогда, Усмири свой бакинский хазри!

Адель останавливается, на мгновение задумывается.

АДЕЛЬ (декламирует). Он – ветер! От природы вольный и не подвластный никому!..

Адель уходит.

Внезапный порыв ветра меняет декорацию, и мы переносимся в XV век.

Конец первого действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

В правой части комната с небольшим окном – это комната Насими. За окном видна дорога, ведущая к городским воротам. Видны устремлённые в ночное небо минареты мечетей. Слышны далекие голоса базарных торговцев. В левой части – комната Гуса, за окном которой дорога, деревья, силуэты далеких хижин и церкви. Обе части сцены освещены мягким лунным светом. Авторы хотят отметить, что диалоги должны ненавязчиво и плавно переходить из одной комнаты в другую. В правой части комнаты находятся Насими и Лейли. Он стоит у окна. Лейли с улыбкой смотрит на него, подходит, кладет ему на плечо руку.

ЛЕЙЛИ. Ты – Ветер! От природы вольный и не подвластный никому!

НАСИМИ. Подвластен! Сердцу своему!

Едва коснется кос твоих дыханье утреннего ветра

Их мускус обратит весь мир в благоуханную долину...

ЛЕЙЛИ. Я у него в плену давно... С тех пор я пью любви вино...

В том, что пьяна я – кто виной? И что в неволе – кто виной?

В комнате Гуса Лаура играет на клавесине.

ГУС. Лаура!

ЛАУРА. Ян! Ну, наконец! Я так ждала! Я так скучала!

ГУС. Я тоже, милая! Я смерть как будто пережил...

ЛАУРА. Отчаянье и мною овладело. Я...

ГУС. Ты – Ангел! Я люблю тебя...

ЛАУРА. И я тебя!

Целуются.

НАСИМИ. Когда б взошел я над тобой весенним солнцем,
То ты бы знала, как прибой о берег бьется,
И как горячие лучи пронзают землю,
И как влюбленный Насими слагает песню!

Кто автор этих дивных строк? Тебе они знакомы?

ЛЕЙЛИ. В них псевдоним твой, да и слог твои стихи напомнил...

НАСИМИ. Их мастер создал! Но не я...

ЛЕЙЛИ (*покраснев*). А кто тогда?

ЛАУРА. Ян! Посмотри! (*Открывает холст.*)

ГУС. Какой портрет! Мадонна?!

ЛАУРА. Право, я рисовала столько лет его... Но от тебя скрывала.

ГУС. Я узнаю ее черты! Овал лица, и взгляд, и губы. Младенец?! Сын наш!..

ЛАУРА. Да! Чтоб ты мог любоваться нами...

ГУС. Любо мне все, что создано тобой. Но это так опасно... Перепиши его, молю!

ЛАУРА (*с улыбкой и нежностью гладит его по лицу*).

Разгневаю тогда я Аполлона!

В его божественных глазах, как в самых чистых зеркалах,

Такой Мадонну увидала! С нее портрет я рисовала...

НАСИМИ (*воскликает*). Душа моя!

Твой голос звал меня с пустынь Востока...

Я шел вдоль Млечного пути, считая звезды,

чтоб среди них свою найти, но где те звезды?

Как солнце надо мной взошло, они померкли!

Я слился с солнечной душой твоей – навеки!

ЛЕЙЛИ. Мой Насими!

НАСИМИ. Моя Лейли! Я так люблю глаза твои!

ЛЕЙЛИ. А я тебя!

НАСИМИ. Лейли!

Обнимаются.

ГУС. Лаура!

ЛАУРА. Ян!

ГУС. Моя Богиня! О, Боже! Грешника помилуй! Люблю!

ЛАУРА. Люблю!

Целуются.

НАСИМИ. Я тебя полюбил – и страшнее мученья нет.
Я по миру бродил, но нигде утешенья нет.
Всем теперь расскажу: кроме губ незримых твоих,
Для души Насими иного лечения нет!

ЛЕЙЛИ. Любимый, в Халеб не ходи!

НАСИМИ. Лейли!

ЛЕЙЛИ. Прошу, Имадеддин!

НАСИМИ. Светилом счастья озарён над нами небосвод!
Венера благостных времён сияет нам с высот.

ЛЕЙЛИ. Когда в разлуке мы с тобой, что мне сиянье звезд?
Когда в разлуке мы с тобой, безлик и небосвод...

НАСИМИ. Но за разлукой встреча есть, и встрече есть конец.
Ведь вся Вселенная – мечеть для любящих сердец!

Слышен тревожный звон колоколов.

ЛАУРА. Ян! Любимый! Я так волнуюсь за тебя!
Твои все речи очень смелы!
Доходят слухи и сюда, что ждет тебя Собор Вселенский.
Они осудят тебя, Ян! Прошу тебя, останься, Ян!

ГУС. Лаура, солнце, перестань... Я не могу с тобой остаться...
Необходимо быть в Констанце.
Мне есть, что донести до света!..

(Гладит ее округлый живот.)

А волноваться тебе вредно...

ЛЕЙЛИ. Имадеддин! Моя душа! Я буду вечно тебя ждать...
НАСИМИ. Пора идти.

Обнимаются.

ГУС. Прошу я, перестань страдать!..Пора мне...
ЛАУРА. Ян! Прошу я, не езжай в Констанц!

Обнимаются.

ЛЕЙЛИ. Мой Насими!
НАСИМИ. Моя Лейли!
ЛАУРА. О, Господи!..

Насими и Ян Гус одновременно уходят.

ЛАУРА *(вслед)*. Ян!...
ЛЕЙЛИ *(вслед)*. Имадеддин!

Свет гаснет.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

*На скамейке сидит элегантно одетая Ая и читает книгу.
Появляется Юсиф. Он взволнован. Звонит кому-то. Ему не отвечают.*

ЮСИФ. Господи!..

АЯ. Привет, Юсиф!

ЮСИФ (*нервно*). Привет. Якуба не видела?

АЯ. Он должен подойти. Сейчас звякну (*Звонит по мобильному телефону*)

Странно... Не отвечает.

ЮСИФ. Он мне так нужен! Так нужен!.. (*Звонит еще раз*) Черт!

Уходит. Ая с удивлением смотрит ему вслед. Появляется Адель.

АДЕЛЬ. Привет! Как выглядишь красиво!

АЯ. Привет, Адель! И ты!

АДЕЛЬ. Спасибо! Юсиф не приходил сюда?

АЯ. Да, приходил. Якуба искал и был взволнован чем-то...

АДЕЛЬ. Черт! (*Звонит по мобильному, но никто не отвечает*) И телефон все время занят... Пойду! Вернется, пусть ждёт меня!

Адель быстро уходит. Появляется Янус. Смотрит вслед Адель.

ЯНУС. Куда она так?

АЯ (*не достаивает его даже взглядом*). Я не знаю.

ЯНУС. А ты сегодня ничего...

АЯ. Иди своей дорогой, Янус!

ЯНУС. Остановлюсь пока я здесь! (*Садится рядом с Аей.*)

АЯ (*резко поднимается*). Ну, что ж! Тогда, пожалуй, уйду я.

ЯНУС (*иронично*). Не возражаю! Пожалуйста...

Подходит Якуб. Ая идет ему навстречу.

АЯ. Ну, наконец! Привет!

ЯКУБ. Привет!

АЯ. С Юсифом встретился?

ЯКУБ. Я? Нет.

Янус продолжает сидеть на скамейке. Делает вид, что спит.

АЯ. Искал тебя он, мы звонили.

ЯКУБ. Хандрит сегодня мой мобильный... Перезвоню. (*Звонит.*) Алло? Юсиф?
Привет. Тогда меня там жди. Давай, пока! (*Ае.*) Идем со мной?

АЯ. Идем!

ЯНУС. Я с вами!

ЯКУБ. А мы тебя с собою звали?

ЯНУС. Ну что ж, и вы мне не нужны! (*Уходит.*)

АЯ. Терпеть его я не могу.

ЯКУБ. Я понимаю. Но не злись. Идём!
АЯ. Идем! Но чтостряслось?

Уходят в противоположную сторону.

Появляется группа кришнаитов. Они шествуют под звуки бубнов и пения «Харе Кришна». С другой стороны появляется человек в чёрных очках, с тростью – Слепой Ангел. Поравнявшись, и кришнаиты, и Слепой Ангел останавливаются.

СЛЕПОЙ АНГЕЛ. Шорох крадущейся ночи,
Шелест листвы за окном,
Шарканье памятных строчек,
Шаг ускоряющих днем.

Шрифт морозящего утра,
Шум еще сонных машин,
«Шшшш» – так и слышится всюду...
Шепчет не осень, а жизнь.

Появляются наши молодые герои.

ЯКУБ (Юсифу). Когда ты создал файл?
ЮСИФ. Весной. В начале марта.
АДЕЛЬ. Юс, родной! Мы восстановим все!
ЮСИФ. Когда? Через неделю – сдача...
АЯ. Да?
ЯКУБ. Не паникуйте. Время есть.
ЮСИФ. Переписать? Нет, не успеть...
ЯКУБ. Придумаем...

Слепой Ангел слышит разговор наших героев.

СЛЕПОЙ АНГЕЛ: Течет столетьями вода...Веками ветер пыль разносит...
Летят священные слова из уст в уста и вьются в гроздь...
Но гроздь одну сорвать посмел коварный многоликий змей...

Ребята удивленно переглядываются.

ЮСИФ. Какое тонкое перо... Вы – Поэт?
СЛЕПОЙ АНГЕЛ: Перо, сравнимое с иглой, сшивает свежие все раны.
Его владелец – пылкий странник, пренебрегающий хулой.
Он ищет новые пути, от сердца к сердцу пробираясь...
АДЕЛЬ. Тот день настанет: вечный старец ему укажет, как идти!
СЛЕПОЙ АНГЕЛ (*оборачивается к Юсифу и Адель*).
Ваш день настал – нашли друг друга!
Вам вместе суждено быть. Но...
Подкралась ревность. За спиной у вас коварный змей!

Юсиф поворачивается и сталкивается с Янусом, который слышал весь разговор.

ЮСИФ. Ты? Янус?
ЯНУС. Я?!.. Что я? А что случилось?
ЮСИФ (*слепому*). Вы о нём?!.
СЛЕПОЙ АНГЕЛ. Прислушайся к себе...

Слепой Ангел собирается уходить.

ЮСИФ. Да! Он!..
ЯНУС. Да что клеветешь ты, свинья!
СЛЕПОЙ АНГЕЛ (*останавливается, говорит Юсифу на азербайджанском*).
Hamam-hamam içində,
Xəlbir saman içində.
Dəvə dəlləklilik elər
Köhnə hamam içində.
Hamamçının tasi yox
Baltaçının baltası.
Burda bir tazi gördük,
Onun da xaltası yox¹.
ЯНУС. Ты псом назвал меня?! Ты, крот!.. Да я тебя убью!

Янус кидается на Слепого Ангела и, схватив за горло, пытается задушить его.

СЛЕПОЙ АНГЕЛ. Тебе меня не победить,
Хоть обрываешь ты, как нить,
Мои послания веками...
ЮСИФ (*Янусу*). Ты удалил мой файл! Мерзавец!!
ЯНУС. Сейчас получишь и ты!

Между Юсифом и Янусом завязывается драка.

АДЕЛЬ. О, Господи!
АЯ. Спаси, Всевышний!

Янус и Юсиф наносят друг другу удары. Янусу удается оттолкнуть Юсифа. Юсиф, неловко подвернув ногу, падает. Адель испуганно вскрикивает.

АЯ. Подлец!..

*Тем временем Янус достает нож, бросается к Слепому Ангелу.
Ая истошно кричит. Адель в ужасе закрывает лицо руками.
Якуб и двое кришнаитов бросаются на Януса и ловко перехватывают его руку.
К ним на помощь бросается и Юсиф. Янус пытается вырваться.*

ЯНУС. Убью! Всех убью!..

Его с трудом удерживают.

¹ старинная прибаутка-дразнилка в азербайджанском фольклоре;
tazi – охотничья собака;
xalta – ошейник

ЯКУБ. Мерзавец! Убери нож!..

СЛЕПОЙ АНГЕЛ: Года летят, трепещут, гнутся, стонут,
роняя то улыбку, то слезу,
меняя все, лишь многоликий боров
незыблем, и века его несут...

*Юсифу вместе с кришнаитами удается скрутить Януса и поставить его на колени.
Он корчится от боли.*

ЯНУС (стонет). Больно! Мне больно!..

Слышен далекий звук сирены. Свет медленно гаснет...

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Слабый свет, идущий от дальних костров, едва освещает темницу. Она разделена на две равные половины тугой канатной сетью. В глубине по-прежнему идёт строительство. Порывы ветра играют языками пламени, отчего свет то гаснет, то возникает вновь, и с ним – силуэт Мечети в восточной части сцены. Насими на своей половине темницы. Облокотившись на разбитую лежанку, что-то пишет.

Возникает и исчезает силуэт католического храма – Костёла – это на Западе.

Ян Гус находится на своей половине темницы. Из глубины сцены к середине, разделяющей темницу на две части, идёт Слепой Ангел.

Насими и Гус, заметив появление Слепого Ангела, подходят к нему. Их взгляды на мгновение встречаются. Они садятся. Слепой тоже садится рядом с ними, вопросительно смотрит на них. Насими поворачивается и смотрит на стройку.

*Гус смотрит на горящую свечу, протягивает руку к ней,
обжигается и резко одергивает руку.*

ГУС. Больно!.. Нет... Не будет этого, нет! Ведь там же за стеной собор!

НАСИМИ (смотрит на стройку). И там же купол за стеной!.. (Продолжает писать.)

От мук разлуки и обид вовек мне не стенать навзрыд!
В «Насущном хлебе» был открыт мне единения тайник!

ГУС.

Как мне помочь народу жить? Как передать мне им всю суть?
Как свить из букв спасенья щит и в мир вдохнуть живое: «Будь!»

*Слепой Ангел поднимается, отходит в сторону,
продолжает смотреть на Насими и Гуса.*

НАСИМИ. Благого лика естество, ты – свиток истины самой:

Весь сущий мир из букв его – в покровы их одет – явлен.

Гус смотрит в сторону стройки.

ГУС. Все строят...
НАСИМИ. Строят ...
СЛЕПОЙ АНГЕЛ. И давно...
ГУС. Не мне ль, «еретику»? Что ложь?! Когда на правду точат нож...
СЛЕПОЙ АНГЕЛ. Лик истины всегда в крови...
ГУС. И солнце видит все, увы...
НАСИМИ. О, человек! Как ты наивен!
ГУС. О, Господи! Ведь я невинен...
НАСИМИ. Как ты не слышишь суть писанья?
ГУС. Доказывать им суть устал я!..
НАСИМИ. Я напоследок передам все!
ГУС. Мир рабский: разделяй и властвуй!
НАСИМИ. Не отрекусь от слов своих!

*И Насими, и Гус тоже поднимаются и смотрят в ночное небо.
Обращают свои голоса к Небесам.*

НАСИМИ. В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь!
ГУС. И я над словом своим властен, Боже! Как продавать прощенье можно?!
НАСИМИ. Не спрашивай! Иди за мною! Я в объясненья не вмещусь!
ГУС. Ты образумь людей, прошу! Реши неграмотность, сомненья...
НАСИМИ. Предположеньем и сомненьем до истин не дошел никто!
ГУС. Реши все праведным судом!
НАСИМИ. Хотя я велик и необъятен, но я – Адам, я – Человек!
ГУС. В темнице доживу свой век, но ведь не я, они в темнице!
Пускай прольется свет на лица всех тех, кто грязен и порочен!
Готов тогда я сгинуть молча!
НАСИМИ. Держи язык свой за зубами! Я и в язык твой не вмещусь!
ГУС. Где власть твоя? У них богатство! Народу помоги, прошу...
НАСИМИ. Я власть! Я вечное богатство, но и в века я не вмещусь!..

*Слепой Ангел поднимает руки.
Насими и Гус отрываются от земли, взмывают вверх и исчезают в ночном небе.
Слепой Ангел, освещённый лунным светом, уходит вглубь сцены.
Слышатся голоса.*

ГОЛОС СЛЕПОГО АНГЕЛА. Ты слышишь меня?
НАСИМИ. Тебя слышу...
ГУС. Слышу...
ГОЛОС СЛЕПОГО АНГЕЛА. Не бойся!
ГУС. Я боюсь...
НАСИМИ. Мне страшно!
ГУС. Это кто?
НАСИМИ. Кто это?
ГОЛОС СЛЕПОГО АНГЕЛА. Твой стражник. Он защитит тебя! Ты видишь путь?
ГУС. Я вижу!
НАСИМИ. Вижу! Знаю!

ГУС. Знаю!
ГОЛОС СЛЕПОГО АНГЕЛА. Он приведёт тебя к Синаю.
ГУС. Через Констанц?
НАСИМИ. Через Халеб?
ГОЛОС СЛЕПОГО АНГЕЛА. Да! Ты видишь ту звезду?
ГУС. Мне светит!
НАСИМИ. Светит мне!
ГУС. Един!
НАСИМИ. Един!
ГУС. Путь наш!..
НАСИМИ. Наш путь!
ГУС и НАСИМИ (*вместе*). В Любви! В Насущном Хлебе! В Слове!
ГУС. Суть Слова!
НАСИМИ. Слова Суть!
ВСЕ ВМЕСТЕ. В Любви!
ГОЛОС СЛЕПОГО АНГЕЛА. Иди! Иди! Иди!..

Свет гаснет.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Вифлеемская часовня. XXI век. Сумеречный свет предвечерней Праги мягко вливается в сводчатые, конусообразные окна Вифлеемской часовни. Длинные, чуть надломленные тени, хрустальная тишина под сводами часовни и уникальные фрески, молчаливо хранящие в себе тайну столетий, создают ту благоговейную атмосферу, когда слова кажутся лишними, и любой сторонний звук невольно нарушает сосредоточенность души.

Эхом слышится «Иди, иди, иди»...

Тёмная часть сцены, где расположена Хижина Ангелов, едва освещается лунным светом. Дымятся чаны с варевом, и светятся в темноте чётки, всё так же лежат на столе странные предметы.

Появляется Хромой Ангел. Поглядев по сторонам, он, неслышно ступая, переходит в часовню, оставляет на маленьком круглом столе свиток и удаляется.

В часовню входит Юсиф. Он сразу направляется к настенным фрескам. В это время

Адель подходит к одной из сводчатых стен часовни, останавливается в задумчивости, словно хочет вдохнуть дыхание того времени.

Появляется Янус. Почувствовав присутствие чужого человека, Адель оборачивается.

ЯНУС. Поверь, я, правда, не хотел...

АДЕЛЬ. Довольно! Я сыта...

ЯНУС. Адель! Ты видела...

АДЕЛЬ. Все! Уходи!..

ЯНУС. Адель, пожалуйста! Прости...

АДЕЛЬ. Прошу, оставь меня...

Янус подходит к ней, пытается взять ее за руку.

ЯНУС. Адель!

АДЕЛЬ (*резко одергивает руку*). Тогда уйду я!

ЯНУС. Нет! Адель! Нет!.. Прости. Я ухожу. Пока. Прощай!..

Янус уходит...

Адель проходит в глубь часовни, видит Юсифа и идет к нему.

ЮСИФ. Я ждал тебя!

АДЕЛЬ. Любимый! (*Обнимаются.*) Юс... (*Она смотрит ему в глаза.*)

Знаешь, не боюсь разлуки я... Поедем вместе!

ЮСИФ. Со мной? В Баку? Адель, ты честно?

АДЕЛЬ. Да! Я решила.

ЮСИФ. Я так счастлив! Тем более... Адель! Смотри... (*Показывает на надпись.*)

АДЕЛЬ (*читает*). «Не хлеб мой насущный, а хлеб наш насущный». Ян Гус?

Юсиф. Да! Ты видишь связь? Стихи не помнишь? Насими?

«От мук разлуки и обид вовек мне не стенать навзрыд!

В «Насущном хлебе» был открыт мне единения тайник!»

АДЕЛЬ. Так вот послание!..

ЮСИФ. Да...

В это время темную часть часовни заливает мягкий свет, и становится виден силуэт Слепого Ангела, идущего к входу Хижина Ангелов.

В часовню входят Якуб и Ая. Они останавливаются у столика.

Якуб берет в руки свиток.

ЮСИФ. Привет, ребята!

ЯКУБ. Привет. Ты видел свиток?

ЮСИФ. Что? Откуда?

ЯКУБ. Он здесь лежал...

Юсиф буквально выхватывает свиток из его рук, раскрывает его.

ЮСИФ (*взволнованно*).

В «Насущном хлебе» был открыт мне единения тайник!

В единой книге от...

В это время сильный порыв ветра врывается в часовню. Свиток вылетает из рук Юсифа и, покружив, опускается на горящие на алтаре свечи. Юсиф и Якуб бросаются и пытаются спасти свиток, но не успевают – свиток сгорает.

АДЕЛЬ. Господи!..

Неожиданно и резко меняются очертания теней – они словно оживают. Лунный свет освещает всё пространство. Тихо звучит одинокая свирель. Свет медленно гаснет в часовне и на заднем плане, куда ушли Насими и Гус. Остается освещенной только Хижина Ангелов. Слепой Ангел смотрит вдаль.

ХРОМОЙ АНГЕЛ. Ты проводил их?

Слепой Ангел кивает.

ХРОМОЙ АНГЕЛ. Как там люди?

СЛЕПОЙ АНГЕЛ.

Мир стар и неизменен!
Правят всё те же! И рабы – всё те!
Не изменились даже нравы!
В разгуле вечный беспредел.
Где справедливость? Где свобода?
В ком верность, правда и любовь?!..

ХРОМОЙ АНГЕЛ (*ухмыляясь*).

Слепому старцу так угодно –
Под скипетром держать добро!

СЛЕПОЙ АНГЕЛ (*прислушивается к отдалённым звукам*).

Пока народ поет и пляшет...

ХРОМОЙ АНГЕЛ:

Отчаянье в весёлой маске!
Всему есть срок – и этим пляскам...

В эту минуту сцену заполняет толпа – современная, представляющая XXI век.

Люди прохаживаются, общаются, сидят на скамейках, отдыхают.

Появляется и знакомая нам группа кришнаитов. Их шествие сопровождается звуками бубнов и пением «Харе Кришны». З

десь и наши главные молодые герои. Якуб и Ая о чем-то говорят. Мимо проходит Янус с какой-то девушкой. Якуб и Ая смотрят ему вслед.

Адель и Юсиф листают книгу. Юсиф говорит что-то на ухо Адель – она смеется.

Слышны далекие раскаты грома.

Люди посматривают на небо. Некоторые открывают зонты. Начинается дождь.

Люди расходятся, прячутся от дождя, и сцена постепенно пустеет.

Остается только едва освещенная хижина Ангелов.

Медленно опускается занавес...

К О Н Е Ц

ЛЯМАН БАГИРОВА

Голоса поэтов

*Бывают странными пророками
Поэты иногда...
...Самим неведомо, что сказано,
Какой иероглиф.
Вдруг то, что цепью крепкой связано,
То разлетается,
То раздражается,
Сердца испепелив...*

М.Кузмин

Может создаться впечатление, что человек я мрачный. Отнюдь! Женщине вообще нельзя быть мрачной, она должна быть веселой, на ее оптимизме весь мир держится! Потому что – бойся не бойся, печалься не печалься – а жить надо, и силы брать для оптимизма, а значит, для самой жизни (своей и окружающих!) тоже необходимо. Как говорится: дорогу осилит идущий. Но только жизнь моя, подобно маятнику, между двух полюсов. На первом начертан девиз Сервантеса: «*Давайте смеяться, чтобы не плакать*», на втором слова Карамзина: «*Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз наших никогда слезы не капали...*». Вот между этих полюсов, как видно, и существуем. Нечто среднее между Пьеро и Арлекином.

Но в одном убеждена точно: вектор культуры определяется вектором памяти. Будем помнить и пестовать только тяжкое, мрачное, плохое, болезненное – получим и соответствующую культуру. Скажете – не бывает такого? Что в самой природе культуры заложена устремленность только на высокое, светлое, доброе? Увы...

Безмерно чтимый мною Фазиль Искандер писал, что как-то ему довелось увидеть пучок стрел, найденных в высокогорной пещере. Стрелам было около тысячи лет. «*Я долго рассматривал этот бесценный дар нашего далекого предка, этот хорошо сохранившийся, но слегка ссохшийся букет смерти. Особенно хорошо сохранились наконечники стрел, так сказать самая идейная часть: сердцевидные, ромбовидные, серповидные, клешневидные, зубчатые... Какое изобретательное многообразие форм при строгом единстве содержания – мечта пропагандиста. Глядя на эти стрелы, я почувствовал неудержимый позыв выблевать на историю человечества*».

Я позволила себе привести этот отрывок, чтобы пояснить свою мысль: увы, не всякая культура нацелена на добро. Ведь кто-то трудился, изобретал, делал и даже украшал эти самые наконечники, направил все силы своего таланта на производство орудий смерти. Человек должен был выжить, постоянно спасаясь от опасности – следовательно, в основе его изобретения лежала тревога за будущее и память о плохом. Хорошо бы, если б адская изобретательность ограничивалась только целями безопасности и защиты. А как же тогда объяснить изуверские орудия пыток и истязаний? Да не просто нагромождения железа, дерева и кожи, а изукрашенные плетки, стулья